

УДК 811.161.1

**КАТЕГОРИЯ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ,
СОСТОЯНИЯ (*NOMINA ACTIONIS*) В СИСТЕМЕ
НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

В.А. Косова

Аннотация

Предпринятый в статье функциональный подход к анализу имён отвлечённого действия, состояния как категории номинативно-derivационной системы русского языка позволяет отнести *nomina actionis* к категориям непоследовательно-коррелятивного типа. Тип категории определён на основе целой системы доказательств, главным из которых является отсутствие у многих производных её единиц императивной словообразовательной связи с глаголами. Этот вывод является системно значимым и может послужить базой для прояснения некоторых спорных вопросов теории деривации по отношению к рассматриваемой категории, например, проблемы словообразовательного синтеза, адекватной трактовки фактов т. н. «словообразовательного супплетивизма» и др.

Имена действия и состояния в русском языке – одна из наиболее широких языковых категорий, составляющая наряду с именами качества семантическую категорию абстрактных существительных. Нашей задачей является анализ этой категории в ракурсе вопроса о характере коррелятивности данного категориального значения. Иначе говоря, необходимо определить степень формализации этого значения, установить, какое выражение находит оно в номинативной системе русского языка – словообразовательное или лексико-словообразовательное.

Обозначенная задача актуальна, прежде всего, ввиду необходимости целостного описания категориально-парадигматического строя номинативной системы современного русского языка. Систему средств *номинации* в этом ракурсе исследует *derivационная ономаσιология* (в отечественном языкознании это работы Е.С. Кубряковой, Л.М. Васильева, В.М. Никитевича, Р.С. Манучаряна, С.Д. Кацнельсона, Г.Г. Сильницкого и др.), возникшая во второй половине XX века на стыке *двух* научных направлений: ономаσιологии и дериватологии. *Ономаσιология, или теория номинации*, имеет объектом своего исследования номинативные знаки разных языковых уровней и различного строения. *Derivационная ономаσιология* занимается исследованием законов, средств, способов *образования* номинативных знаков (к ним относятся производные слова, непроизводные слова, аналитические наименования – простые и предикативные словосочетания) и *отношений* между этими знаками, составляющими в

языке единую *номинативно-деривационную систему*. Для адекватного и всестороннего описания этой системы в первую очередь необходимо определить, какие языковые категории лежат в основе её структурно-семантической организации.

Платформа для решения этой задачи в современном языкознании, на наш взгляд, уже создана и является результатом активной разработки концепций языковых категорий различного типа, восходящих к теории *понятийных категорий* (термин О. Есперсена). Понятийные категории, составляющие в данном языке основу называния, были названы М. Докулилом *ономасиологическими категориями*. Это понятие, с точки зрения учёного, призвано помочь в поисках ответа на вопрос, «как наше мышление расчленяет различные понятия, чтобы выразить их категориальными средствами языка» [1]. В зависимости от характера этих средств и способа выражения категориального значения – имплицитного или эксплицитного, обязательного для данного класса слов или необязательного, т. е., в конечном счете, от типа деривации, ономасиологические категории реализуются субкатегориями грамматического или номинативного неграмматического характера. На специфике последних нужно остановиться отдельно.

Особенностью системы номинативной деривации является функционирование в ней простых единиц двух видов: готовых («инвентарных», словарных, в том числе производных слов) и создаваемых в момент речи, причем четких границ между ними провести невозможно ввиду ярко выраженного динамизма данной системы. Последнее объясняет факт вычленения некоторыми лингвистами трех типов категорий номинативной системы при ее двучастной организации, определяемой по основной разновидности деривации: лексических (лексико-семантических), словообразовательных и смешанных – лексико-словообразовательных. В общих чертах обоснование подобного разграничения было дано М. Докулилом: он считает возможным говорить о лексической категории в том случае, когда обобщенное, но неформализованное значение – независимо от низкого или высокого уровня абстракции – базируется лишь на лексико-семантических признаках ряда слов; у словообразовательной категории определенные обобщенные структуры выражаются средствами морфологическими, прежде всего словообразовательными аффиксами; оба типа необходимо отличать от смешанных лексико-словообразовательных категорий, включающих в себя ряды слов, в которых категориальный семантический признак хотя и основывается на словообразовательной форме слов, но охватывает и слова без соответствующей словообразовательной структуры.

Это обоснование, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке – уже потому, например, что в качестве иллюстраций и словообразовательных, и лексико-словообразовательных категорий приведены названия средств для определенной деятельности, а лексическая категория иллюстрируется более широким, но семантически близким к ним рядом слов, объединенных общим лексико-семантическим признаком орудия. Кроме того, за рамками обозначенных категорий остаются все неоднословные наименования; вопрос о критериях выделения этих категорий (и, в первую очередь, словообразовательных) остаётся открытым и продолжает дискутироваться.

Функциональный подход к анализу языковых единиц и явлений, сущностью которого является системное описание единиц языка исходя из их функций, приводит к выводу о целесообразности обоснования единого в рамках изучаемой системы понятия – *категории номинативно-деривационной*. План выражения этих категорий, в отличие от категорий словообразовательных, может включать самые разнородные средства номинации (например, значение «лицо – производитель действия»: строитель, врач, водитель трамвая; тот, кто не ошибся). Необходимость их выделения обоснована нами в статье «К типологии категорий и парадигм номинативно-деривационной системы» [2].

На основе признака эксплицитности (последовательной или непоследовательной) или имплицитности (формальной выраженности или невыраженности) категориального номинативного значения эти категории делятся в русском языке на три типа:

а) категории *некоррелятивного* типа, представленные на лексическом уровне лексико-семантическими и тематическими группами, объединяющими непроизводные и немногочисленные производные слова (напр., глаголы говорения – говорить, шептать, кричать, болтать и др.; прилагательные со значением цвета – красный, жёлтый, зелёный; явления природы – заря, гроза, ливень и т. п.). Словообразовательная форма производных компонентов этих категорий не эксплицирует их категориально-лексическое значение (ср.: утренник – утренний мороз);

б) категории *непоследовательного типа корреляции*, лексическая часть которых представляет собой *лексико-словообразовательную категорию*. К ним относятся, например, так называемые категории «падежной грамматики» (напр., категория *nomina agentis* (слушатель, гид, художник), *nomina loci* (пастбище, клуб, избирательный участок) и др.;

в) категории *последовательного типа корреляции* (их лексическая часть представлена собственно *словообразовательными* категориями, а их единичные непроизводные компоненты соответствуют критериям супплетивности). Как показывает наш материал, в русском языке категорий последовательного типа корреляции довольно много: это, например, категория эмоциональной оценки в сфере конкретно-предметной лексики и названий лиц, которую в результате регулярности деривации ранее предлагали считать грамматической, т. е. формообразовательной); некоторые категории в сфере относительных прилагательных (сделанный из... – железный, деревянный, стеклянный и др.); некоторые из глагольных префиксальных категорий, например, категория начала действия (заговорить, задышать, зашагать, побежать и т. п.).

Разграничить эти категории можно лишь на основе *функционального метода исследования*, сущность которого заключается в соединении семасиологического анализа языковых единиц (направление исследования от формы, средств к значению, функции) с последующим ономасиологическим (от значения, функции к форме, средствам – т. е. обобщение данных семасиологического анализа о всех средствах выражения данного значения). Принципы функционального анализа языковых явлений разработаны А.В. Бондарко по отношению к грамматике, однако могут быть применены также при исследовании

единиц и категорий номинативной деривации в силу известного изоморфизма этих систем [3].

Применительно к системе номинативной деривации методика функционального анализа такова: в семасиологическом ракурсе осуществляется словообразовательный анализ производных слов, затем его результаты обобщаются на ономасиологической основе: на базе общности деривационного значения производные слова объединяются в группы, категории; вслед за этим необходимо обратиться к данным словарей и текстов, чтобы выявить все средства выражения данного деривационного значения, которыми располагает номинативная система языка: производные слова, непроизводные слова, составные номинации. На основе полученной картины можно квалифицировать тип категории.

Имена отвлечённого действия, состояния в русском языке – очень яркая и многочисленная номинативно-деривационная категория, обладающая, на первый взгляд, свойством несомненной последовательной коррелятивности, т. е. регулярной и однозначной словообразовательной соотнесённости с классом глаголов. Основная функция этих имён, в соответствии с современными лингвистическими воззрениями, состоит в свертке пропозиции, когда центральный элемент предложения как коммуникативной единицы – его сказуемое – преобразуется в ядро номинативной единицы (см. [4]). И поскольку основным средством транспозиции является аффиксация (*двигаться – движение*), считается, что отвлеченные названия действия, состояния обслуживают прежде всего конструктивную, а не собственно номинативную функцию, т. е. это, по выражению Земской, «наименее лексические слова» [5]. Все это, безусловно, верно, однако нельзя не учитывать, что сведение предложения к производному слову – первичная, но не единственная функция транспозиционного словообразования. Любое полнозначное слово языка, как говорилось выше, всегда является элементом не только собственно деривационной, но и инвентарной, лексической части номинативной системы, а это значит, что оно подчиняется всем ее закономерностям, устанавливает синтагматические и парадигматические связи с другими ее единицами, участвует во всех характерных для этой системы семантических процессах. Все это объясняет нередкое обособление абстрактных имен от производящих глаголов, вплоть до полного отрыва (деэтимологизации).

По этой причине даже теоретически нельзя, как нам кажется, допускать предположения о наличии последовательной корреляции на столь широком участке деривационной системы, и языковой материал подтверждает это. Прежде всего, в русском языке имеются такие непроизводные наименования действий (чаще состояний), значения которых не выводятся из глаголов даже имплицитно (ср.: *наитие, натиск, исступление, поблажка, гвалт, гул, гам* и т. п.), либо связь таких непроизводных слов с глаголами вторична, т. е. производным, напротив, является глагол (*грех, стыд, горе, беда, мир* и пр.). Ряды таких слов постоянно пополняются заимствованиями, и хотя большая часть заимствованных имен действия имеет вполне конкретную семантику (*дебют, вояж, бойкот, аукцион* и т. п.), немало среди них и отвлеченных имен (*обструкция, ажиотаж, бум, инициатива* и т. п.) (ССИС), причем некоторые из них приобрели это свойство в результате процесса детерминологизации.

Производящим классом имен отвлеченного действия, состояния принято считать все глаголы русского языка, ср.: «существительное со значением отвлеченного действия в принципе может быть синтезировано от любого глагола» [6]. Между тем, словари современного русского языка (см. ОСРЯ, 940) фиксируют лишь около 7000 существительных с наиболее характерным показателем рассматриваемого значения – формантом *-ни(е)*, соотносящихся с глаголами, тогда как количество глаголов, представленных в том же словаре, – 37319. Анализ словообразовательных тупиков, т. е. случаев отсутствия дериватов со значением отвлеченного действия, состояния в словообразовательных парадигмах глаголов, позволяет сделать некоторые важные для нас выводы. Во-первых, производные с данным значением могут отсутствовать у всех единиц какой-либо ЛСГ, например, глаголов проявления признака (*белеть, чернеть, краснеть* и т. п.), т. е. в данной типовой словообразовательной парадигме эта категория не представлена. Ограничено образование этих имен от глаголов речи (*говорить*), мыслительной деятельности (*думать, полагать, считать*), изменения состояния (*полнеть, слабеть*); не образуются абстрактные имена от однонаправленных глаголов движения (*идти, плыть, ехать, нести, вести* и т. п.). Известно соображение о том, что образованию *nomina actionis* препятствуют такие морфолого-синтаксические факторы, как непереходность (более 80% имен на *-ние, -тие* образованы от переходных глаголов) и возвратность исходных глаголов [7]. Красноречивые количественные данные приведены в исследовании Т.В. Чиканцевой: в 800 словообразовательных парадигмах стилистически нейтральных непроизводных русских глаголов реально зафиксированы лишь 523 деривата с общим значением отвлеченного действия, состояния; из них только 274 имеют собственно процессуальную семантику, остальные обозначают состояние или свойство предметов (*блеск*), явления природы (*капель, метель*) и пр. [8].

Как было установлено, свойством последовательной коррелятивности обладают лишь категории, единицы которых образуются по однозначным словообразовательным моделям, т. е. в семантике производных отсутствует фразеологический компонент, называемый «приращенным значением»: лишь в этом случае можно быть уверенным, что результатом словообразовательного синтеза будут единицы именно с данным категориальным значением. По отношению к рассматриваемым именам вывод об однозначности деривационных моделей был бы неправомерен. Прежде всего, имена действия образуются от глаголов по нескольким структурно-семантическим моделям: одни из них служат наименованию отдельных актов неоднократно повторяемого действия (*бросок, забег*), другие выражают дополнительные значения длительности, многосубъектности или многоаспектности (*посвист, нелады, поминки*), третьи образуют производные со значением действия как определённого направления, склонности (*отзовизм, приземлизм*) и т. п. Авторам «Русской грамматики», объединившим названные словообразовательные значения под рубрикой «Транспозиционное значение», приходится вводить для характеристики таких производных «компромиссный» термин «модификации транспозиционного значения процессуального признака», поскольку они не соответствуют определению семантических дериватов, которые «совпадают с мотивирующим словом во всех

компонентах своего значения, кроме общего грамматического значения части речи» [9]. В словообразовательном значении перечисленных существительных представлены явные «семантические надбавки», в понятие синтаксической деривации, т. е. «чистой» транспозиции, не укладывающиеся. Не случайно Е.С. Кубрякова ставит под сомнение саму возможность «именовать синтаксическими дериватами целые классы слов»: синтаксическая деривация, по мнению ученого, – явление более редкое, чем деривация лексическая; возникая как синтаксический дериват, слово приобретает новые смысловые оттенки и начинает нуждаться в самостоятельной фиксации в словаре, следовательно, «принадлежность конкретного производного области синтаксической или лексической деривации может быть установлена только после его индивидуального анализа» [10].

Общеизвестно, что довольно большое количество отвлеченных имен действия или состояния является базой внутрисловной семантической деривации, результаты которой в этом случае морфологизируются, семантико-словообразовательная последовательность распадается, и в данной словообразовательной парадигме появляется словообразовательный омоним. Именно так образованы в русском языке многочисленные производные со значением результата и объекта действия, ср.: «Основное значение имен, принадлежащих к этой категории, – процесс действия... Но часть из них может обозначать также результат действия, часть – орудия действия, часть – место действия» [11]. Если же принять во внимание факт возможной утраты именами действия своего первоначного значения, как это произошло, например, со многими существительными на *-к(а)*, означающими в современном языке лишь результат либо объект действия (*описка, записка, расписка, зарубка, выдумка, закуска* и др.), становится еще более очевидной низкая степень предсказуемости результатов синтеза от глагольных имен отвлеченного действия.

Итак, словообразовательная связь глагол – отглагольное отвлеченное существительное не является ни семантически однозначной, ни императивной для русского языка, следовательно, данная номинативно-деривационная категория не обладает свойством последовательной коррелятивности. Она реализуется совокупностью словообразовательных категорий, основанных на перечисленных выше и некоторых других частно-категориальных словообразовательных значениях (например, «манера, способ осуществления действия» – *поступь, походка, выговор, произношение* и др.), а также примыкающими к ним непроизводными образованиями. Известно также мнение о том, что словообразовательная категория отглагольных имен действия – это лишь «ядро, центр семантико-словообразовательной категории *nomina actionis*»: ее периферией являются словообразовательные категории отсубстантивных (*мародерство, бутонизация*) и отадективных (*безумство*) имен действия [12]. Действительно, в словарях новых слов и значений приведено немало примеров образования в русском языке абстрактных наименований действия непосредственно на базе имен, ср., например: «*Буквализация*. Формальное, буквальное в ущерб смыслу толкование, понимание чего-л. – Буквальный + -изациј(а)» (Новое-80, с. 33).

Глаголы типа **буквализировать*, мотивация которыми приписывается иногда таким абстрактным именам, потенциально возможны, но реально не представлены в русском языке.

Таким образом, ввиду невозможности четкого определения круга производящих основ для дериватов со значением отвлечённого действия, состояния во всём разнообразии его модификаций, отсутствия специальных средств их выражения (форманты *-ние, -тие, -ка* и *некот. др.* в равной мере способны обслуживать все эти значения), а также непредсказуемости семантических результатов словообразовательного синтеза имен отвлеченного действия, напрашивается вывод о лексико-словообразовательном, т. е. непоследовательно-коррелятивном характере этой категории.

Адекватная квалификация категорий номинативно-деривационной системы помогает пролить свет на некоторые неоднозначные проблемы, связанные с единицами и явлениями этой системы, в частности, проблеме т. н. «супплетивного словообразования». Так, сторонники этой концепции относят к супплетивным следующие оппозиции, устанавливаемые в языке, по их мнению, на базе выражения словообразовательного значения «действие, состояние, свойство»:

видеть – *зрение* (хорошо видеть – хорошее зрение);

говорить – *речь* (говорить бегло – беглая речь);

дергаться – *тик*;

иметься – *наличие*;

казаться – *впечатление* (Мне кажется, что... – У меня впечатление, что...);

располагать – *распоряжение* (Мы располагаем... – В нашем распоряжении...);

рушиться – *крушение* (надежды рушатся – крушение надежд);

слыть – *репутация* (Он слывет дуэлянтом – У него репутация дуэлянта);

считать – *мнение* (А как Вы считаете? – А каково Ваше мнение?);

здороваться – *приветствие*;

чесаться – *зуд* (см. [13, 14]).

Неправомерность такой интерпретации языкового материала состоит в том, что при этом искажается сущность супплетивизма: в традиционном понимании супплетивизм – *аномальный способ выражения значения грамматической (эксплицитно-деривационной, последовательно-коррелятивной) категории, исключение* из правила эксплицитной деривации, а номинативные значения могут выражаться как непроизводными словами, так и производными (словообразовательно). Очевидно, что в этом случае не было принято во внимание, является ли эксплицитная деривация (морфемное словообразование) *нормой* выражения значения отвлечённого действия – состояния, т. е. не учтён непоследовательно-коррелятивный (лексико-словообразовательный) характер категории. Попутно отметим также, что многие из приведенных Апресяном «супплетивных» пар не соответствуют также каким-либо другим критериям супплетивности. Например, слова *приветствие* и *впечатление* производны и коррелируют в речи с производящим глаголом (*сильно впечатлить* – *сильное впечатление*, *сердечно приветствовать* – *сердечное приветствие*) и т. п.

Таким образом, определение типа номинативно-деривационных категорий по признаку коррелятивности их элементов важно как в аспекте описания систе-

мы номинативной деривации в целом, так и для установления места и роли каждого из составляющих эти категории компонентов в структурно-семантической организации этой системы исходя из специфики механизма их взаимосвязи.

Summary

V.A. Kosova. The category of abstract action, state (*nomina actionis*) in nomination-derivation system of the Russian language.

The functional approach to the analysis of names with the meaning of abstract action and state as a category of nomination-derivation system of the Russian language, undertaken in this article, allows to refer *nomina actionis* to the categories of inconsistent-correlative type. The type of the category has been defined on the basis of a system of evidences, the primary of which is the absence of imperative word-formation bond with verbs, characteristic of many of its derivatives. This conclusion can serve as basis for the clarifying of some disputable questions of the derivation theory within the limits of the studied category, for example, the problems of word-formation synthesis, the adequate treatment of the facts of the so called "word-formation suppletion" and others.

Литература

1. *Dokulil M.* Tvoreni slov v cestine. I. Teorie odvozovani slov. – Praha. – 1962. – P. 200.
2. *Косова В.А.* К типологии категорий и парадигм номинативно- деривационной системы // *Deutsch-russischer Dialog in den Philologien. – Beitrage zur Slavistik. – Frankfurt am Main: Lang, 2001. – P. 567–593.*
3. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука. – 1983. – С. 33–34.
4. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксис // *Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 309–312.*
5. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – С. 33.
6. *Милославский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 153.
7. *Кононова Н.С.* Морфолого-синтаксический фактор в образовании *nomina actionis* // *Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: Материалы III респ. конф. 5–6 окт. 1989 г. – Гродно: Изд-во ГГУ, 1990. – С. 56.*
8. *Чиканцева Т.В.* Словообразовательные парадигмы непроезженных глаголов современного русского языка: Дис. ... канд. филолог. наук. – Л., 1984. – С. 75–76.
9. РГ-80 – Русская грамматика. Т. I. – М.: Наука, 1980. – С. 267–268.
10. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – С. 71–73.
11. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. – М., 1959. – С. 32.
12. *Коряковцева Е.И.* О задачах изучения истории семантико- словообразовательной категории *nomina actionis* // *Международ. юбил. сессия, посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. В.В. Виноградова. Тез. докл. – М., 1995. – С. 34–35.*
13. *Апресян Ю.Д.* Супплетивное словообразование в русском языке // *Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы респ. науч. конф. 12–15 сент. 1972 г. / Отв. ред. А.Н. Тихонов. – Самарканд: Изд-во Самарк. ун-та, 1972. – Ч. I. – С. 30;*
14. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. –М.: Наука, 1974. – С. 43.

Источники

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. А.М. Бабкина. – М.-Л.: Наука, 1948–1965.

Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. АН СССР, Ин-т русского языка. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1990.

Новое в русской лексике: Словарные материалы-77 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1980. – 176 с.

Новое в русской лексике: Словарные материалы-78 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1981. – 262 с.

Новое в русской лексике: Словарные материалы-80 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1984. – 287 с.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1984. – 808 с.

ОСРЯ – Обратный словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1974.

Поступила в редакцию
15.03.06

Косова Вера Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.